

занного к ней и сумевшего оказать семье Фонвизиных серьезную услугу. Она покорила судьбе: «Надо было отца из беды выкупать».

Достоевский знает, что, вернувшись в Россию после двадцатипятилетней ссылки, она уже не застала в живых двух своих сыновей, которых оставила на попечение родных совсем маленькими: двух и трех с половиной лет. Они росли без родителей, зная их только по портретам и письмам; мать и отец никогда больше не увидели сыновей — те умерли молодыми людьми один за другим, от туберкулеза. Дмитрий (принадлежавший к кружку петрашевцев) скончался в октябре 1850-го, в Одессе, куда уехал на лечение и потому избежал наказания, хотя приказ о его аресте был уже подписан. Михаил скончался через год. В Сибири же годовалым младенцем умер третий ребенок Фонвизиных — его не спасло даже врачебное искусство знаменитого доктора-декабриста Ф. Б. Вольфа. За время ссылки умерли отец и мать Н. Д. Фонвизиной.

Достоевский пишет ей после всех этих жестоких потерь — а в это время угасает и через два месяца, в апреле 1854-го, умрет и муж ее, М. А. Фонвизин: «Вы с грустью нашли опять родину. Я понимаю это; я несколько раз думал, что если вернусь когда-нибудь на родину, то встречу в моих впечатлениях более страдания, чем отрады». Он обращается к своей тайной корреспондентке как к товарищу по несчастью. По такому несчастью, в котором только и *яснеет истина*. «Я не жил Вашей жизнью и не знаю многого в ней, как и всякий человек в жизни другого, но **человеческое чувство в нас всеобщее**, и, кажется, при возврате на родину всякому изгнаннику приходится переживать вновь, в сознании и воспоминании, всё свое прошедшее горе».

Понятия *человек, человеческое чувство, человечность* — ключевые в их переписке. Он чувствует как бы за нее, что может испытать изгнанник, вернувшийся на родину после изгнания; как тяжелы могут быть первые минуты свободы. «Не потому, что Вы религиозны, — пишет Достоевский, — но потому, что сам пережил и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как “трава иссохшая”, веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастье яснее истина».

Исстрадавшаяся душа, пораженная долгим горем, жаждет веры и обретает ее — ибо **в вере** (а не в сомнении или неверии) и содержится **истина**. Достоевский, для которого **в несчастье яснее вера**, вспоминает молитву страждущего, когда тот «унывает и изливает пред Господом печаль свою». «Сердце мое поражено, и иссохло, как трава... Дни мои — как уклоняющаяся тень; и я иссох, как трава»²¹.

²¹ Пс. 101: 1, 5, 12.

Не потому, что его тайная корреспондентка религиозна, он пишет ей, а потому, что чувствует в себе способность понять и разделить ее страдание. Не потому он утешает ее, что обязан женщине, подарившей ему Евангелие, дать полный отчет о **правильности и твердости** своей веры. А потому, что минуты страдания, общие с нею, дают ему жажду веры и саму веру — так же, как и ей силу веры дают долгие годы страданий.